

Павел Лунгин: «Кино - это бесконечное вранье в поисках правды» | Pavel Lungin: Cinema is a constant lie looking for truth

Auteur: Азамат Рахимов, [Женева](#) , 20.11.2013.

Павел Лунгин

Продолжаем серию интервью с выдающимися деятелями российского кино. Как мы и обещали, нашим собеседником на этот раз стал режиссер и сценарист Павел Семенович Лунгин, с которым мы встретились во время прошедшего [фестиваля KINO](#). Он поделился своим взглядом на современный кинематограф, его роль и значение в жизни общества, а также рассказал о том, как искусство спасает от одиночества.

| We met our guest during the film festival which took place in Geneva and Lausanne in September. Pavel Lungin shares his views on contemporary cinema, its role and functions. He also explains how art saves us from solitude.

Pavel Lungin: Cinema is a constant lie looking for truth

Наша Газета.ch: Павел Семенович, последние несколько лет во многих своих интервью Вы говорите о том, что наблюдаете в современной России потерю нравственных ориентиров. Вы утверждаете, что не видите последовательного выстраивания смыслов. Своим искусством Вы пытаетесь не только показать существующие проблемы, но и пытаетесь заполнить возникшую нравственную пустоту. Но прежде чем перейти к конкретным примерам, давайте разберемся в ключевых вопросах. Искусство, на Ваш взгляд, должно ставить вопросы или давать ответы?

Павел Лунгин: Конечно, искусство ставит вопросы, потому что никто не знает ответа. Окончательный ответ дает смерть. У искусства много функций, одна из которых - вылавливать в воздухе какую-то душевную болезнь и пытаться реагировать на нее. Надо самому переболеть ей и найти вакцину или, по крайней мере, подготовить к ней других, тех, кто будет тебя читать и смотреть.

Тогда какова роль художника?

Художник, в правильном, большом смысле, – это тот, кто ставит сам над собой эксперименты. Он не боится принимать в себя, мучиться, изживать, переболеть и, если получается, выздоравливать.

Правда, сейчас возник другой тип искусства – такой чисто развлекательный, но мы сейчас не об этом. Здесь все упирается в различие между Art и Entertainment. Второе представляет собой супермаркет: каждый может прийти в магазин и купить себе два часа расфасованного времени. Но оставим это и вернемся к серьезному.

В какой мере художник, отражающий болезни общества, ответственен за их дальнейшее развитие?

Есть ли ответственность у больного? Я не знаю.

У моего вопроса есть подоплека. Гарри Бардин в [интервью](#) Нашей Газете.ch говорил о том, что считает Алексея Балабанова и его картины «Брат» и «Брат-2» ответственными за разгул националистических идей в России. Гарри Яковлевич уверен, что художник должен осознавать возможные последствия его работ. Налагаете ли Вы на себя ограничения потенциальной ответственностью? Есть же опасность, что, показывая болезнь, можно не вылечить ее, а наоборот, усугубить.

По сути, этого и требовало от нас советское время: делать людей лучше. Но искусство не только воспитывает, оно еще и отражает реальность, показывает правду. Искажать ее было бы неправильным. Бардин указывает на некоторую ангажированность: коммунисты пусть говорят о вреде денег, антифашисты – о вреде фашизма, антипутинисты – о вреде коррупции и так далее. Однако все это – невероятное сужение темы.

Большие художники сами до конца не понимают, о чем их работы. В каждом элементе высокого искусства есть рациональное: ты ведешь его в сюжете, вплетаешь в сценарий. Но есть еще огромный иррациональный слой, бессознательный, интуитивный. И нельзя все это подчинить педагогическим нормам.

Возвращаясь к «Брату». Бардин прав, но в то же время для меня гораздо ценнее было открытие нового характера, нового образа, нового типа человека. Балабанов его почувствовал, извлек его из воздуха, из небытия. Сама эта чуткость, эта возможность увидеть хорошего плохого – очень ценна.

©FestivalKino/MiguelBueno

Павел Лунгин в Женеве (© Miguel Bueno)

Как Вы в целом оцениваете состояние современного кинематографа?

С ним сейчас происходит очень интересная вещь: он как бы сделал такую причудливую петлю в сто лет. Кинематограф начался с прибытия поезда, которое показали ярмарочной толпе. Затем, пройдя большой путь, привлекая больших художников и философов, он стал авторским искусством. Он стал выражать высокую духовную сферу, а сейчас он снова превращается на наших глазах в искусство для детей, ярмарочный балаган, и через сто лет мы снова оказались на площади, где железные уроды дубасят друг друга железными дубинами.

Такое развитие предопределено сущностью самого кино?

Кино, видимо, больше подходит для этого. Больше, чем остальные виды искусства.

Существует ли для Вас градация видов искусства? Кино часто считают самым низким.

Поэзия кино – она совсем другого типа, чем, скажем, в литературе. Нет ничего ужаснее, чем кино, имитирующее живопись или литературу. Литературная поэзия, выражаемая средствами кино, превращается в китч. Например, когда мы видим белых лошадей, скачущих по небу и тем самым выражающих любовь юноши к девушке, – это пошлость. Но и живописность, которую мы видели в работах Параджанова и Гринуэя, тоже изжила себя.

Поэзия кино – это точность! Точность детали, выражения лица. При этом кино постоянно врет. Я бы сказал, что кино – бесконечное вранье в поисках правды. Вот это постоянное стремление к правде для художника важнее, чем дидактика и

мораль.

А как же надежда?

Конечно, всегда хочется дать человеку надежду в конце. Катарсический принцип очищения через страдание никто не отменял, хотя многие современные режиссеры отрицают это.

Выстраивая свой собственный кинематографический язык, режиссер может оказаться в ситуации, что его неправильно поймут.

Или вообще не поймут.

Ваши фильмы относятся как раз к числу тех, которые требуют от зрителя погружения в новый для него язык. Возвращаясь к вопросу о духовном вакууме. Многие кинокритики, когда говорят о «Царе» и «Острове», вписывают эти картины в современный социально-политический контекст, настаивая на том, что Вы предлагаете заполнить эту пустоту «мистическим православием».

К сожалению, получается так, что вечные вопросы и темы накладываются на отношение сегодня к патриарху и РПЦ. В этом есть некоторый большевизм, это просто смешно. Но для меня оба этих фильма показывают разные стороны юродивости и обретения святости. Мне кажется, что странное брезгливое отношение нынешних атеистов к любому проявлению религиозности – это большая ошибка, которая осталась еще со времен большевизма.

Эта тема требует медленного, обстоятельного разговора. Можно говорить о том, что современное искусство занимается последовательным разрушением христианских идей. Но давайте вернемся к языку. Тенденция современного кино – отказ от языка, что объясняется нацеленностью на массовость. Чем больше людей увидят такой фильм, тем выше показатели.

А ведь одна из главных функций кино – это спасение людей от одиночества, нахождение своего племени. Например, ты читаешь какое-нибудь японское стихотворение и вдруг понимаешь, что это абсолютно твой человек. Сидит учительница в Омске, читает Мандельштама и понимает, что она не одна в этом мире. К сожалению, эта функция сейчас уходит. Но это такой период.

Петр Мамонов и Олег Янковский в фильме "Царь" Павла Лунгина

[Женева](#)

[кино в Швейцарии](#)

Статьи по теме

[Гарри Бардин: «В работе надо быть бескомпромиссным»](#)

[О кино и не только](#)

[Только о кино](#)

Source URL:

<https://nashgazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/pavel-lungin-kino-eto-beskonechnoe-vrane-v-poiskah-pravdy>